

05) Д.х.
3748

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7-9

1947

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

7

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1947

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Кондрашѳв И. — С. М. Киров — организатор большевистского подполья в тылу у Деникина	3
Соловьѳв А., проф. — Великая, Малая и Белая Русь	24
Ленчер С. — Прусский вопрос и Веймарская конституция	39
Войтинский Г., проф. — Политические отношения в Китае накануне революции 1925 — 1927 годов	50

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Полянский Ф. — Отношение цехов к капитализму в период их расцвета (XIII—XV вв.)	73
Каганова А. — Французская буржуазная революция конца XVIII в. и современная ей русская пресса	87
Удальцов А. Д., проф. — Происхождение славян	95
Стоянович Т. А., проф. — О молдаво-русских и румыно-русских отношениях	101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Штейн Б., проф. — Документы британской внешней политики 1919 — 1939 гг., 2-я серия, т. I	105
Одложилек Отакар, проф. — Сетон-Ватсон Р. История чехов и словаков, Томсон С. Чехословакия в европейской истории	110
Яцунский В. — Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселѳва, т. I	114
Чаадаева О. — Т. Треногова. Борьба петроградских большевиков за крестьянство в 1917 г.	120
Быстрых Ф. — Ф. Е. Мельников — Западный Урал в революции 1905—1907 гг.	122
Петров Ф., Селиванов В. — Фѳдоров А. Революционные восстания в Черноморском флоте в 1905 г.	124
Черепнин Л. — «Советская этнография», вып. 3	126
Бретаницкий Л. — Проф. А. А. Семѳнов. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии	128
Пичета В. , акад. — Тихомир Р. Джорджевич. Сербия сто лет назад	131
Тихомиров М., проф. — «Исторически преглед». Година втора. 1945—1946	133
Ерофеев Н. — Вильямс Э. Капитализм и рабство. США. 1945	135
Голант В. — Оливер Читвуд и Франк Оусли. Краткая история американского народа	138
Рыковская О. — Ховде В. Скандинавские страны 1720 — 1865 гг.	140

Библиография

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

С. Л. — «Советская этнография» № 4	149
А. И. — В Горьковском университете	149
Мельников Ф. — О работе исторических кафедр Молотовского государственного университета	150

Историческая наука за рубежом

Академик Владимир Иванович Пичета	157
--	-----

Федор Яковлевич Полянский

1907 - 1982

об авторе:

<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131451>

http://www.econ.msu.ru/departments/inh/about_institut/history/

О ТОВАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ФЕОДАЛИЗМА

(По материалам истории западноевропейского феодализма)

Гениальное произведение И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» является величайшим вкладом в советскую и мировую науку, образцом творческого развития марксизма, подлинным триумфом марксистско-ленинской теории. Это гениальное творение составит целый этап в истории научного социализма. Подобно бессмертному «Капиталу» Маркса, работа товарища Сталина даёт грандиозную программу борьбы пролетариата, всего прогрессивного человечества за торжество коммунизма.

Труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» освещает коренные проблемы общественных наук. Экономисты и философы, социологи и историки, лингвисты и археологи будут вновь и вновь обращаться к этому гениальному произведению научного коммунизма, чтобы найти в нём ответы на основные проблемы общественных наук.

В гениальном произведении И. В. Сталина нашли научное разрешение основные проблемы методологии исторической науки. Товарищ Сталин сформулировал в своём труде положения относительно объективного существования экономических законов, активной роли производственных отношений, а также разработал и развил открытый Марксом закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Товарищ Сталин открыл основные экономические законы современного капитализма и социализма и указал на существование экономических законов, общих для ряда общественно-экономических формаций, на необходимость рассматривать отдельные экономические явления с учётом господствующего способа производства, с позиций подлинного историзма. Все эти положения, разработанные товарищем Сталиным, имеют неоценимое значение для историков, дают методологические основы для их исследований.

Вместе с тем работа товарища Сталина даёт решение целого ряда конкретно-исторических проблем, с давних пор интересующих историков. К числу таких проблем относится вопрос о месте товарного производства в условиях феодального строя.

Работа товарища Сталина наносит сокрушительный удар буржуазной историографии. Ещё в XIX в. буржуазные историки много писали о товарном производстве феодальной эпохи. Во славу буржуазии они искали исторические подвиги последней уже в дебрях средневековья, и Тьерри прослеживал исторический подъём буржуазии непосредственно от коммунальных восстаний XI — XII вв. до французской буржуазной революции 1789 года.

В силу этого буржуазная историография обычно рассматривала товарное производство как чуждое феодальному строю проявление буржуазных экономических начал. Поэтому уже простое возникновение примитивных форм обмена, а тем более товарного производства объявлялось

началом новой эры буржуазного развития и концом феодальной эпохи. Эмансипация средневековых городов с конца XI в. от власти местных феодалов провозглашалась началом господства буржуазии. Переход к оброчной системе в Италии, Франции, Англии и Германии в XIII в. квалифицировался как торжество народной свободы, как конец крепостничества и переход к буржуазным формам хозяйства в деревнях Западной Европы. Даже чудовищный расцвет барщинной эксплуатации в большинстве стран Европы (Россия, Польша, Германия, Венгрия, Румыния и Прибалтика) в позднее средневековье буржуазная историография до сих пор настойчиво объясняет расширением торговли, победой буржуазных форм производства. Самая экспансия крепостничества с его феодальными формами эксплуатации народных масс выдаётся буржуазными фальсификаторами истории за проявление творческих потенций капитализма, за реализацию экономических резервов последнего. Начало так называемых торговых войн буржуазная историография усматривает ещё в крестовых походах, особенно в Столетней войне с её мародёрством английских лордов и немецких ландскнехтов. Всю эпопею великих географических открытий буржуазная историография демагогически истолковывает как простой результат всё той же торговли и героический подвиг восходящей буржуазии, хотя в этих открытиях немалую роль играли феодальные элементы. Основу королевского абсолютизма буржуазные историки неизменно усматривают лишь в усилении буржуазии. Экономический подъём отдельных стран в позднее средневековье они относят за счёт добродетелей всё той же буржуазии.

Прославляя наёмное рабство, буржуазная историография находит буржуазные формы общественного производства даже там, где их совсем не было, она допускает грубую модернизацию и всё прогрессивное в истории средневековья произвольно связывает с деятельностью буржуазии.

Такая модернизация в толковании экономики средневековья достигла крайней степени в современной буржуазной историографии допшианского толка. Выступив с критикой литературы XIX в., признававшей широкое распространение натурального хозяйства в средние века, австрийский историк Допш, как известно, прокламировал доктрину «вотчинного капитализма».

Наиболее развёрнуто эта доктрина излагается Допшем в его книге «Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte» (1930), но основные её тезисы вместе с соответствующей «аргументацией» даны им и в более ранних работах.

Сущность доктрины «вотчинного капитализма» сводится к необходимому для буржуа тезису: капитализм вечен, он неустраним. Однако позитивная формулировка этого тезиса дана весьма запутанно, а характеристика самого «капитализма» исключительно бедна.

Капитализм, провозглашает Допш, отнюдь не явление XVIII—XIX вв., так как он был известен восточным народам, затем грекам и римлянам тысячи лет тому назад. Так, в Индии уже «в IV веке до Рождества Христова король поддерживает картели и монополии купцов, устанавливающих цены, несмотря на сопротивление народа». В Греции «уже в IV веке всеобщим и обычным был жиорооборот. Встречались также и кредитные документы». Возможно, что у греков существовала уже система расчётных палат (clearing system). В Риме «всадники инвестировали свои деньги в промышленность точно так же, как и в сельское хозяйство — на приобретение земель» в результате обогащения на Востоке, а «господствующая там капиталистическая система оказывала влияние и на экономическое развитие Запада». В итоге завоеваний Рима «торговля стала мировой», и «сам фиск был крупнейшим банкиром»¹.

¹ А. Dopsch. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. 1930, S. 49, 74, 81, 83, 84.

Само собой разумеется, что Допш не может отказать капитализму и в непрерывности его существования; он подчёркивает, что, подобно всем другим элементам римской культуры, «денежное хозяйство непрерывно развивается с конца римской эпохи. В истории этих столетий не существовало остановки или переворота в хозяйственном развитии, которые были бы обусловлены германской абсолютно натуральнохозяйственной и крестьянской культурой»².

Исходя из положения о непрерывности капиталистического бытия Европы со времён римского владычества, Допш выдвигает свой тезис о «вотчинном капитализме» как характерном явлении средневековой экономики даже меровингского периода. Так, ссылаясь на сообщение Григория Турского, что церковники приобретали за деньги мельницы и землю, Допш утверждает, будто «здесь мы встречаем ранний пример образования капитала через накопление земельной ренты»³. В эпоху меровингов, по его мнению, существовало «цветущее кредитное хозяйство»⁴, оживлённая кредитная деятельность. Что же касается каролингской эпохи, то её капиталистический характер Допш считает совершенно бесспорным. Капитализм, заявляет он, «существует уже в каролингское время, имея торговлю своей основой», так как «торговая прибыль была столь регулярной и значительной, что возможны были капиталистические предприятия больших масштабов, а также развитие торговли деньгами»⁵. Конструируя теорию натуральнохозяйственного капитализма, Допш указывает, что «каролингская эпоха даёт выдающийся пример такого капитализма» и что «все значительные признаки капитализма могут быть прослежены по источникам эпохи», поскольку и «крупные поместья были предприятиями, которые могут быть охарактеризованы как капиталистические», что, «наконец, кредитное хозяйство было обычным для эпохи каролингов»⁶, и т. д., и т. п. О том, до каких геркулесовых столпов доходит Допш в своём апологетическом усердии, можно судить по тому, что он, не смущаясь, толкует об «империализме» Хлодвига, указывая, что этот «раннефранкский империализм» достиг большого влияния, а «империализм Карла Великого придал торговле международное значение»⁷.

Капиталистический характер хозяйства последующих эпох представляется Допшу настолько несомненным, что он для обоснования некоторых положений своей концепции (тезис о сосуществовании натуральности и товарности хозяйства, отрицание хозяйственного переворота, обусловленного развитием городов в XI—XII и последующих веках) считает нужным подчёркивать даже распространённость натуральнохозяйственных отношений и их значительную роль в средние века. Одновременно Допш заявляет, что южнонемецкие поместья XVIII в., «так же как и дворянские имения в Пруссии, — капиталистические предприятия», а церковь на всех этапах своего развития несла в себе «капиталистический дух, т. е. стремление к прибыли».

Такова теория «вотчинного капитализма» в её аксиоматической части. Так прокламируют Допш и допшианцы тезис, что капитализм вечен.

Модернизацию истории средневековья допшианцы доводят до настоящего абсурда. Давая хаотический перечень случайных сведений относительно существования обмена в разные исторические эпохи, они произвольно обобщают эти факты как доказательство того, что капитализм

² A. Dopsch. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit. Teil II. Wien. 1913. S. 276.

³ A. Dopsch. Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. Teil II. Wien. 1924. S. 467.

⁴ A. Dopsch. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft. . . , S. 115.

⁵ A. Dopsch. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit. Teil II, S. 276.

⁶ A. Dopsch. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft. . . , S. 236, 140.

⁷ A. Dopsch. Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. Teil II, S. 250. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit. Teil II, S. 355.

был исконным явлением мировой истории. Не случайно в дальнейшем Допш определился на службу к германскому фашизму.

Следует отметить, что и в нашей литературе вопрос о месте и экономических функциях товарного производства в условиях феодализма не получил правильного освещения. В 20-х годах целый ряд историков (А. О. Неусыхин, Н. Н. Розенталь, Н. Цемш, Д. М. Петрушевский) выступил с восторженными оценками фальсификаторских конструкций Допша, развивая положения последнего. Особенно решительным поклонником допшианства оказался Д. М. Петрушевский, который пустился в поиски «вотчинного капитализма» не только в манориальном хозяйстве Англии XIII в., но и в каролингском поместье VIII века. Он прямо писал, что «несомненно капиталистическим является и вотчинное хозяйство средних веков», если «с понятием капитализма не соединять определённых социальных признаков», превращения рабочей силы в товар, монополизацию буржуазией средств производства и т. д.⁸

Отождествляя всякое товарное производство с капиталистическим и сводя капитализм к одному лишь «коммерческому принципу», Д. М. Петрушевский давал истории феодализма самое превратное истолкование.

Хотя фальсификации Петрушевского и были подвергнуты острой критике ещё в 1928 г., тем не менее их влияние сохранилось и в последующие годы. Под влиянием «школы» Петрушевского в 30-х годах во многих работах советских историков преувеличивалось значение товарного производства в истории феодализма. Товарное производство считали чисто автономным в системе феодализма, в нём видели провозвестника буржуазных экономических форм. Налёт подобной модернизации характерен был для исследований покойного Н. П. Грацианского («Бургундская деревня в XII веке»), Е. А. Косминского («Английская деревня в XIII веке»), В. В. Стоклицкой-Терешкович («Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв.»), П. П. Щёголева (курс «Истории Западной Европы в XVI—XVII веках»). Элементы модернизации остались в курсе «Истории средних веков» для высших учебных заведений, опубликованном Институтом истории АН СССР в 1939 году.

В последующие годы некоторые авторы пересмотрели свои позиции. В частности, многое пересмотрел в своём новом труде «Исследования по аграрной истории Англии в XIII в.» (М. 1947) Е. А. Косминский. Но полной ясности в вопросе о месте товарного производства в феодальном обществе у наших медиевистов нет и до сих пор. Более того, возникают новые ошибочные толкования этого вопроса. Так, некоторые медиевисты утверждают, что не натуральное, а именно товарное хозяйство было экономической основой феодального режима, что в условиях последнего действовал закон максимальной ренты, аналогичный закону максимальной прибыли, свойственному современному капитализму.

Не всё обстоит благополучно и в работах наших историков, посвящённых изучению экономической истории феодальной России. В своё время «школа» Покровского развивала теорию «торгового капитализма» и с этих позиций пыталась истолковать все основные явления экономической истории крепостной России. Между тем теория «торгового капитализма» очень тесно сопрягается с концепцией «вотчинного капитализма». В частности, она также сводила капитализм к «коммерческому принципу», выдавала торговые операции за капиталистические формы производства, смешивала товарное производство с капиталистическим и крайне преувеличивала значение торговли.

Конечно, разгром «школы» Покровского существенно изменил положение на историческом фронте. Однако следы влияния теории «торгового капитализма» встречаются и до сих пор. От них, например, не свободен

⁸ Д. Петрушевский. Очерки из экономической истории средневековой Европы. 1928, стр. 211.

курс «Истории народного хозяйства СССР» П. И. Ляшенко в объяснении экспансии барщинной системы в XVI — XVIII веках. Влияние этой теории сказывается и в спорах об экономической природе русской мануфактуры XVIII века. Выдвигая тезис о чисто капиталистическом характере этой мануфактуры, С. Г. Струмилин, Е. И. Заозерская, К. П. Новицкий и др. отрицают роль феодального фактора в процессе перерастания мелко-товарного производства в капиталистическое, рассматривают этот процесс как автономный, хотя относят его к XV в. (как писал С. Г. Струмилин). Крепостные формы эксплуатации мастеровых и «работных людей» на мануфактурах XVIII в. кажутся им чисто внешней формой, своего рода привеском, не изменяющим капиталистического строя производства. Поскольку вотчинные мануфактуры дворян того времени торговали своей продукцией, вели денежный счёт своим расходам и т. д., К. П. Новицкий и другие экономисты объявляют их предприятиями капиталистического типа.

Однако нет никаких оснований игнорировать феодальные условия эволюции товарного производства в России XVI—XVIII веков. Между тем это игнорирование характерно и для исследований, посвящённых более ранним периодам истории России. Так, Б. А. Рыбаков написал замечательное исследование о ремесле древней Руси, но не нашёл в ней вотчинного, феодального ремесла. Мелкотоварное производство ремесленных изделий выступает в его исследовании как совершенно самостоятельное, автономное явление.

Всё это показывает, что наши историки не смогли правильно разрешить вопрос об экономических функциях и месте товарного производства в условиях феодализма. Гениальная работа товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» наносит сокрушительный удар демагогическим построениям допущанства и кладёт конец кривотолкам наших историков в этом вопросе. Она даёт единственно правильное решение сложного вопроса о месте и экономических функциях товарного производства в условиях феодализма. Только это решение отвечает требованиям подлинного историзма.

Выясняя экономическую природу товарного производства, товарищ Сталин пишет: «Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства»⁹.

С другой стороны, определяя экономические функции товарного производства в разных исторических условиях, товарищ Сталин указывает, что «нельзя рассматривать товарное производство, как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»¹⁰.

Определяя историческое место товарного производства в мировой истории, товарищ Сталин подчёркивает, что «товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишённые средств производства,

⁹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат 1952, стр. 14.

¹⁰ Там же, стр. 15.

вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства»¹¹.

Работа товарища Сталина, таким образом, совершенно по-новому, с позиций подлинного историзма, в соответствии с требованиями марксистско-ленинской теории, ставит и решает вопрос о товарном производстве. Товарищ Сталин показал, что нельзя смешивать товарное производство с капиталистическим, нельзя усматривать последнее в отношениях мелкотоварного хозяйства. Больше того, И. В. Сталин подчеркнул, что феодализм использует товарное производство, и долгое время оно обслуживает систему феодального строя. Медленный процесс экономической дифференциации простых товаропроизводителей создавал лишь некоторые предпосылки для капитализма, но для торжества последнего как общественно-экономической формации потребовалась ломка феодального строя, потребовались усилия буржуазных революций. Лишь промышленный переворот на фабричной основе делал возможным общее господство капитализма в экономике той или иной страны.

Задача наших историков состоит сейчас в том, чтобы выявить конкретные формы связи товарного производства с феодализмом, определить его экономические функции в рамках феодального строя и его историческую роль в разложении феодальных отношений и генезисе капитализма.

Не следует преувеличивать экстенсивного распространения товарного производства в средние века и его экономической зрелости, тем более не следует допускать модернизации при рассмотрении процесса превращения мелкотоварного производства в капиталистическое. На самом деле это был очень длительный процесс, так как он развивался долгое время в условиях господства феодального способа производства и его коренных закономерностей. Сами капиталистические тенденции свойственны лишь зрелым формам товарного производства и проявляются в эпоху разложения феодализма.

Для более конкретного рассмотрения вопроса обратимся к истории. Её показания дают материал для создания серьёзных исследований о месте и функциях товарного производства в условиях феодализма. Однако в узких рамках настоящей статьи можно отметить лишь некоторые интересующие нас моменты.

Средневековье оставило довольно много свидетельств относительно обмена и разных форм торговли в феодальном обществе. В этих свидетельствах пора как следует разобраться.

Ещё Маркс, анализируя формы стоимости, блестяще показал в первом томе «Капитала», насколько сложным был процесс развития обмена и как медленно приобретал он зрелые формы. Маркс не датировал рамки своего анализа, но совершенно ясно, что установленные им этапы развития обмена характерны и для условий феодальной эпохи. Последняя знала и обращение денег, но это не должно вводить нас в заблуждение. Процесс превращения натурального хозяйства в товарное продолжался на протяжении всего средневековья, и случайный обмен имел самое широкое распространение. Однако встречающиеся в хрониках средневековья хотя бы и весьма многочисленные сведения о таком обмене не дают оснований говорить о широком распространении товарного производства; не свидетельствуют они и о сколько-нибудь серьёзном значении товарного производства в то время, показывая лишь начальные процессы развития обмена.

Такие случайные формы примитивного обмена и были характерны для Западной Европы на протяжении многих столетий раннего средневековья. Допш составил подробный список всех случаев обмена, отмечен-

¹¹ Там же, стр. 14—15.

ных в документах раннего средневековья. Но он не смог опровергнуть прямых показаний исторических документов о глубоко натуральном характере хозяйства Европы той эпохи.

Неопровержимым является тот факт, что Салическая Правда ничего не говорит о торговле, хотя её штрафные предписания хорошо показывают экономическое состояние Франкского государства в конце V и начале VI века. «Капитулярный о виллах», относящийся к концу VIII в., засвидетельствовал картину натурального хозяйства, характерного для франкской деревни, связанной с королевскими имениями. О натуральном характере хозяйства каролингского поместья свидетельствуют крайнее разнообразие оброков, система натуральных барщин, практика создания запасов, прикрепление крестьян к земле, существование поместного ремесла и т. д.

«Капитулярный о виллах» показывает, что хозяйство каролингского поместья было глубоко натуральным, и рассуждения допшианцев о его коммерческих основах совершенно несостоятельны. Практически ведь даже королевский двор в ту пору не имел возможности организовать своё потребительское хозяйство на коммерческой основе и вынужден был довольствоваться продукцией своих имений, предназначенных, как заявляет автор капитулярия, «обслуживать наши собственные нужды». Натуральные оброки платили даже администраторы поместья, старосты, лесничие; ключники должны были давать «поросят за свои мансы» (наделы).

Королевский двор периодически поступал на полное содержание того или иного поместья, которое при этом несло так называемую «службу», доставляя королевским пекарям и поварам всё необходимое.

Общий тезис «Капитулярия» гласит: «Всё, что должен иметь человек в своём доме и в своих поместьях, должны иметь и управляющие наши в своих поместьях». Эта формула ярко отражает натуральный характер хозяйства каролингского поместья конца VIII в. (в его королевском варианте).

Самым поразительным является характерное для натурального хозяйства крайнее разнообразие видов ремесла внутри каждого отдельного поместья.

Правда, «Капитулярный о виллах» засвидетельствовал существование торговых связей у каролингского поместья, и статья восьмая «Капитулярия» обязывала управляющих покупать простое вино, «чтобы снабжать им поместья государевы». Наряду с этим предписывалось «остаток от всякого рода продуктов хранить до нашего распоряжения», чтобы, согласно приказу короля, продавать или оставлять их в запасе.

Однако не следует преувеличивать значение торговли в ту пору, ибо в «Капитулярии» идёт речь о продаже излишков. Торговля тогда просто служила целям сохранения запасов и поддержания их в надлежащем состоянии.

Аналогичная картина наблюдалась и в монастырских поместьях. Наглядное представление об этом даёт опись владений аббатства Сен-Жермен де Пре, составленная в 825 г. и известная под названием «Полиптика Ирминона».

Вопреки односторонним толкованиям историографии допшианского толка (в том числе и Петрушевского) «Полиптик Ирминона» рисует картину натурального хозяйства. Об этом свидетельствует указание на то, что оброки взимались в натуральной форме, и одних только кур аббатство ежегодно получало 5 787, а яиц — 30 865, поскольку каждый держатель манса обязан был доставлять не менее 15 яиц. За выпас скота на господских лугах крестьянин должен был через каждые два года на третий отдавать монастырю овцу с ягнёнком; за выпас свиней в господском лесу доставлять в монастырские погреба известное количество вина (или денег). Кроме того аббатство получало скот (крупный и мелкий), кур, яйца, вино, пиво, хлеб, мёд, масло и другие продукты в счёт платежей

так называемых «допа». В десяти случаях держатели мансов отдавали аббатству половину урожая, и их натуральные оброки доводились до крайней нормы. Даже сбор на военные надобности взимался натурой: быками, повозками, мелким скотом и вином. На потребу 120 монахам ежегодно шло 2 тыс. модиев вина и много других продуктов. Мансы сервов доставляли им солод и хмель, необходимые для изготовления пива. В распоряжении аббатства имелось много мельниц, которые также являлись важным источником натуральных доходов, так как за пользование ими крестьяне расплачивались зерном. Помимо того с мельниц поступали в распоряжение аббатства свиньи, куры, яйца, гуси, вино и кони.

В качестве оброков от зависимого крестьянства аббатству поступали также воск, хлеб, холст, дранка, обручи, клёпка, тёс, факелы, железо, топоры, копыя, горчица и т. п. Один ключник доставил даже таганок, а с лесничего требовались ещё котелок, мыло, воск, мёд, ястреба, один кричат, гуси, 100 свиней и 90 модиев зерна, а денег — всего только 12 динариев. Такое разнообразие натуральных оброков и особенно наличие среди них ремесленных изделий свидетельствует о том, что хозяйство монастырских имений в начале IX в. было натуральным. Даже свои нужды в промышленных изделиях монастырские имения старались удовлетворить обычным для натурального хозяйства путём, за счёт своих внутренних возможностей.

Правда, «Полиптик» отмечает и денежные платежи держателей, но общая сумма денежных доходов аббатства была невелика и не превышала 60 ливров, между тем как натуральные доходы достигали огромных размеров. Денежные платежи крестьян терялись среди многочисленных натуральных оброков. Конечно, аббатство торговало вином, и держателям приходилось отвозить его в Париж, Орлеан, Блуа, Анжу, Труа и другие места. Но это не значит, что вино в каждом отдельном случае предназначалось для продажи, да и получалось оно аббатством в результате крепостной эксплуатации крестьянства, для которой натуральное хозяйство являлось очень важной экономической предпосылкой.

Города в ту пору влачили жалкое существование, обезлюдели, стали административными центрами и епископскими резиденциями. Деревенское ремесло было ассимилировано феодальным поместьем и само обслуживало натуральное хозяйство феодала. В качестве профессиональных купцов появлялись только иноземцы (арабы, евреи, греки), денежного обращения Западная Европа почти не знала, монета оставалась большой редкостью, чеканка её во многих странах вообще отсутствовала. Кое-где появлялась византийская монета, но она не могла играть значительной роли в отдалённых от Константинополя городах.

В целом хозяйство Западной Европы в раннее средневековье было натуральным, товарное же производство существовало преимущественно в городах Византии, оставаясь большой редкостью для других стран Западной Европы.

Положение существенно изменилось в XI—XV вв., т. е. в период расцвета феодализма. В эти века торговля в странах Западной Европы значительно расширилась, и появились формы действительно товарного производства. Правда, процесс расширения торговли по странам был неравномерным. Особенно же неравномерность проявлялась между развитием городской и деревенской торговли. Города далеко опередили деревни Западной Европы, косневшие в путях крепостничества; даже в XI—XIII вв. торговля в деревнях в основном носила попрежнему характер случайного обмена.

Процесс роста товарности крестьянского хозяйства ещё только начинался и лимитировался господством барщинной системы. Она поглощала так много сил крестьянского хозяйства, что у последнего не оставалось возможностей для производства продуктов на рынок, расширения посевов технических культур и т. д. Отработав барщину, французские сервы

и английские вилланы едва успевали добыть себе голодный минимум продуктов для существования. Отсутствовали и рынки сбыта, так как города ещё только «становились на ноги». Феодалы были очень заинтересованы в денежных доходах, и английские монастыри уже в XIII в. оценивали в описях (экстенгах) все повинности в деньгах. Но получить эти последние не удавалось, поскольку у крестьян их не было. Домашнее ремесло в основном удовлетворяло потребности крестьянства в промышленных изделиях.

Более подвижным экономически уже в XII—XIII вв. оказалось господское хозяйство. Нуждаясь в оружии, предметах роскоши, металлах, соли и т. д., бароны того времени завязывали связи с бродячими торговцами, с горожанами и даже с соседними поместьями. Они не стояли за ценой и отдавали горы ценных продуктов за безделушки или пряности. Пропорции обмена носили в значительной мере случайный характер.

В этом ярко сказывалось своеобразие торговли, развивавшейся в рамках феодального режима и на почве феодального поместья. Она обслуживала этот режим и помогала баронам эксплуатировать крепостных. Она становилась формой реализации части прибавочного продукта, создававшегося крепостными, и самая эксплуатация последних получала дополнительный толчок, нужное экономическое обоснование. Усиление эксплуатации объяснялось тем, что горы сельскохозяйственных продуктов всё чаще стали находить нужное применение.

Однако такого рода торговля не выражала отношений товарного производства. Бароны продавали не только сельскохозяйственные продукты, но и самих крепостных, свои привилегии, военную силу, даже рыцарскую честь. Ещё более успешно торговали церковники «божьей благодатью», а сбыт индульгенций позднее был поставлен на широкую ногу.

Наглядное представление о сеньёральной торговле этого времени дают так называемые баналитеты, от которых так сильно страдали французские сервы. Эти баналитеты давали сеньёрам монополию на переработку сельскохозяйственных продуктов, на устройство мельниц, пекарен, давили для винограда. Вместе с тем осенью сеньёры имели право (осуществляя свой *banvin*) временно запрещать крестьянскую торговлю вином, пока не будет распродано господское вино. Больше того, они заставляли своих сервов являться на господский двор и пить там это вино за соответствующую плату.

Таким образом, сеньёры тогдашней Франции добивались сбыта своего вина на основе серважа, прибегая к крепостническому произволу. Ненавистный для сервов *banvin* был основой торговых операций сеньёрии. Этот яркий факт говорит о своеобразии экономики феодального поместья, о натуральнохозяйственных её основах. В нём, как в капле воды, отразились все особенности сеньёральной торговли XII—XIII вв., её экономическая природа. Эта торговля носила своеобразный характер и не затрагивала основ феодального производства. Она происходила на базе крепостничества. За торговлей подобного рода не стояло товарное производство, а о развитии капитализма в ту пору не могло быть и речи. Давая определение товарного производства, Маркс писал, что в обществе товарнопроизводителей продукты труда являются для них товарами¹². Между тем, даже торговля отчасти своей продукцией, феодальное поместье в то время не могло выступать как форма товарного производства. Оно опиралось на барщинную эксплуатацию крестьян или на их оброчные платежи. В том и другом случае оно питалось за счёт крепостничества, внеэкономического присвоения прибавочного труда крестьян.

В своей глубокой основе хозяйство французской сеньёрии, английско-го манора в XI—XIII вв. оставалось натуральным. Это выражалось, как

¹² См. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1949, стр. 85.

и раньше, в бесконечном разнообразии барщинных повинностей и оброчных платежей, в практике создания запасов, в стремлении к натурально-хозяйственной полноте поместного производства, в создании всякого рода подсобных предприятий, в существовании поместного ремесла, в борьбе поместья за сохранение своих экономических резервов, в домашнем использовании подавляющей части продуктов, в чисто феодальном применении доходов и т. п.

Характерно, что в Англии XII—XIII вв. манориальная администрация запрещала вилланам продавать волов и другой рабочий скот без её разрешения. Администрация резервировала за собою право на преимущественную покупку вилланского скота, чтобы сохранить контроль над экономическими резервами подвластных деревень и сделать свои экономические границы непроницаемыми. Вилланам запрещалось продавать и ценный лес без разрешения манориальных властей.

Классической формой феодальных поборов была церковная десятина, получившая «вселенское» распространение. Она просуществовала сотни лет, и не случайно за неё так яростно цеплялись церковники, боролись светские феодалы. Дело в том, что десятина наиболее полно соответствовала условиям натурального хозяйства средневековья. Она давала в закрома её получателей самые разнообразные продукты, за счёт которых можно было решать очень многие экономические проблемы.

Следовательно, о самостоятельности товарного производства в деревнях Западной Европы XI—XIII вв. не может быть и речи. Как и в раннее средневековье, такое производство было тогда большой редкостью: оно лишь только возникало. В то же время, поскольку оно всё же эпизодически появлялось, ему приходилось обслуживать феодальное поместье. Последнее не могло быть формой товарного производства, однако оно концентрировало в своих руках и контролировало экономические резервы деревни. Возникновение на базе феодального поместья капитализма исключалось, так как примитивные формы товарного производства, возникавшие в деревне, использовались, ассимилировались феодальным поместьем.

Иная обстановка складывалась в городах Западной Европы. С конца XI в. начинается их экономическое оживление, развёртывается новое строительство городов. Горожане с оружием в руках отстаивают свою независимость от сеньёров и добиваются на городских территориях ликвидации (в основном) крепостничества. Поэтому в городах ещё в период расцвета средневековья действительно возникает товарное производство и впервые в широком масштабе. Оно было представлено мелкотоварным производством отдельных ремесленников. Основой ему послужила личная собственность непосредственных производителей — ремесленников.

Как указывает товарищ Сталин, в условиях феодализма «наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»¹³. Крестьянская собственность в деревнях очень долго находилась в полном подчинении у феодального поместья и не могла служить в XI—XIII вв. основой товарного производства. Такой основой она смогла стать лишь в XIV—XVII вв., с переходом к оброчной системе, которая давала больше простора для крестьянского хозяйства.

В городах мелкая собственность оказалась ещё в XII—XIII вв. в несравненно более благоприятном положении, поскольку городское население уже тогда освободилось от крепостной зависимости. Противоречие между двумя формами собственности получило дальнейшее развитие и

¹³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

привело к возникновению мелкотоварного производства как массового явления.

Таким образом, первоначально судьбы товарного производства в средневековой Западной Европе были неразрывно связаны с экономическим подъёмом городов. Вопрос о причинах массового появления товарного производства в недрах феодализма поэтому сводится к вопросу о причинах возникновения средневекового города в конце XI века. Этот вопрос представляет огромный интерес.

Строительством городов стали с необычайным рвением заниматься благочестивые аббаты и воинственные герцоги, набожные короли Франции и алчные «императоры» Германии. В XI—XV вв. было создано так много городов, что их перечисление завело бы нас слишком далеко. Особенно много городов появилось на севере Франции, а затем в Северо-Восточной Германии. Некоторые из них, как Гамбург, Бремен, Любек, Магдебург, Лейпциг, Берлин, в дальнейшем приобрели крупное торговое и политическое значение. Рождалась новая, городская Европа, хотя и на старой, феодальной основе.

Почему же, спрашивается, всеисильные бароны и епископы, сокрушившие к XI в. народную свободу, допустили её частичное возрождение на территории городов, экономическое развитие которых в дальнейшем стало антифеодальным? Ведь города довольно скоро начали подрывать основы феодального режима, а их высокие стены явились вызовом самоуправству сеньёров и убежищем для их беглых сервов. Столь противоречивое явление нуждается в объяснении. Давая его, буржуазные историки выдвинули несколько теорий происхождения средневековых городов. Однако эти теории показывают, что буржуазные историки не поняли даже самой проблемы происхождения городов. Единственно правильное решение её дали Маркс и Энгельс. Они рассматривали развитие городов как процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, потому что «город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, потребностей и способов их удовлетворения, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и разобщенности»¹⁴. Как отмечает Энгельс, «первым крупным общественным разделением труда было отделение города от деревни»¹⁵.

Возникновение города предполагает существование товарного производства, но лишь «с разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена»¹⁶.

Общей предпосылкой для этого являлся прогрессивный рост производительных сил Западной Европы в раннее средневековье. Феодальное поместье и мелкое хозяйство свободных или зависимых крестьян сделали возможным развитие техники и расчистку лесов, расширение посевной площади. Они изменили отношение к труду и ускорили рост населения. «За эти четыреста лет был сделан шаг вперед», потому что «исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие» и «общественные классы IX века сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации»¹⁷.

Обилие сельскохозяйственного сырья и продовольствия, массовое производство прибавочного продукта в домениальном (на основе барщинной эксплуатации крестьянства) и крестьянском хозяйствах (поскольку крепостным приходилось платить оброки) делали экономически возмож-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Партиздат. 1934, стр. 40—41.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 295.

¹⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1950, стр. 169.

¹⁷ Там же, стр. 160—161.

ными специализацию ремесленников и обособленное существование городов.

Таким образом, развитие сельского хозяйства и крепостничество в раннее средневековье подготовили материальную базу для подъёма европейских городов в XI веке. Завершение феодализации Западной Европы в XI в. послужило вместе с тем исходным моментом возникновения её городов, развития городской культуры.

Но непосредственной причиной возникновения городов явилось развитие внутренних противоречий феодального строя. Средневековый город был детищем экономических и классовых противоречий феодального поместья, натурально-крепостной организации его производства.

В самом деле, чисто натуральное хозяйство, к которому стремилось феодальное поместье, было практически невозможно или экономически невыгодно для самих феодалов. Поместью требовались такие редкие элементы производства и потребления, как железо, соль, краски и т. п., получить которые домашним путём был бессилён самый воинственный барон. Их просто приходилось покупать. Территориальная ограниченность и экономическая бедность сеньерии становились пределом её натурального хозяйства.

Феодалы Западной Европы завершили в XI в. закрепощение крестьянства и необычайно разбогатели, но их огромные богатства в условиях натурального хозяйства могли быть использованы лишь в ничтожной степени. Возникало противоречие между обилием богатства феодала и убожеством обстановки, в которой он жил, между брутальностью эксплуатации крепостных и её экономической бесцельностью. Поместное ремесло всё меньше удовлетворяло капризные требования феодальной аристократии.

Без торговли крепостничество в известной мере становилось экономически бесцельным, и торжество феодального строя в XI в. явилось поэтому исходным моментом подъёма и расширения торговли.

Обеспечение денежных доходов и создание торгово-ремесленных центров, то есть городов, стало актуальной задачей экономической политики феодалов. Первым мероприятием в этом направлении был перевод поместных ремесленников на положение оброчников. Теряя малоценную и технически примитивную, часто совсем ненужную продукцию поместного ремесла, феодалы приобретали источник денежных доходов. В отличие от крестьян оброчники-ремесленники могли продажей своих ремесленных изделий добыть деньги, так интересовавшие их господина.

Но оброчные ремесленники, естественно, отрывались от земли и выпадали из орбиты феодального поместья. Они отправлялись на заработки в места, где можно было найти дешёвое сырьё и регулярный сбыт, технически совершенные инструменты и постоянных заказчиков. Так, в Западной Европе XI и последующих веков появилось большое количество бродячих ремесленников, которые оседали в торговых местечках, на перекрёстках дорог, под стенами феодальных замков и монастырей, на территории старинных городов. Торговые дороги давали им сырьё и надёжный сбыт, феодальные замки — безопасность, а монастыри — и то и другое. Ведь благочестивые пилигримы нагружались товарами, после того как они освобождались от груза своих «грехов».

Следовательно, оброчные ремесленники и явились тем социальным элементом, оседание которого в разных местах вызвало начальный процесс формирования городского населения средневековья. Рост европейских городов с XI в. нужно считать результатом частичной коммутации барщины и натуральных платежей, коснувшейся первоначально лишь поместных ремесленников и происходившей под определяющим влиянием экономических противоречий феодального поместья. Частичное использо-

вание феодалами преимуществ оброчной системы дало первоначальный толчок возникновению европейских городов с XI века.

Вторым мероприятием феодалов, рассчитанным на получение денег, было строительство городов, которое варьировало от простого пожалования привилегий торговым местечкам до настоящего строительства новых городов. В новом городе становился возможным сбыт излишков сельскохозяйственных продуктов и сбор пошлин деньгами; феодалы могли здесь покупать предметы роскоши и другие ценные товары. Помимо того строительство городов являлось формой борьбы за территорию и зависимое население. Об этом свидетельствует вся история «новых городов» во Франции и так называемых колониальных городов в Восточной Германии. Создание городов являлось формой экономической и политической экспансии феодального строя, попыткой преодолеть противоречия натурального хозяйства на более широкой основе (территориально и экономически).

Конечно, позднее «феодальная система везде пришла в упадок постольку, поскольку земледелие перестало быть исключительным источником пропитания страны, т. е. поскольку наряду с деревнями возникли города»¹⁸. Феодалы сами готовили могилу своему господству, но нужно иметь в виду, что города стали играть антифеодальную роль далеко не сразу. В XI—XIII вв. они даже содействовали укреплению феодального строя, давая временный исход противоречиям его экономической системы.

Исключительно важную роль в подъёме европейских городов XI и ближайших веков сыграл классовый антагонизм феодального строя. Маркс писал в 1847 г., что для того, чтобы «правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме»¹⁹.

Понятно, что крепостной гнёт встречал решительное сопротивление крестьянства, и когда в XI в. завершилась феодализация Западной Европы, то классовая борьба в её деревнях стала необычайно острой. Бессильное организовать для крупных выступлений, крепостное крестьянство часто бежало от своих господ за пределы поместья, используя пассивные формы сопротивления крепостной эксплуатации. Беглые крепостные «освобождались не как класс, а поодиночке» и «стремились только к тому, чтобы свободно развить и провести в жизнь свои уже имевшиеся налицо условия существования»²⁰, добиваясь свободы труда.

В побегах крепостных необычайно ярко обнаруживались внутренние пределы и существенные противоречия феодального способа производства. Обладая имуществом, крепостной крестьянин имел в этом отношении много преимуществ перед рабом, и уже экономически феодальное поместье не могло предотвратить бегство крепостных. Поэтому «в течение всего средневековья непрерывно продолжается бегство крепостных в города», а некоторые города вообще «образовались заново освободившимися крепостными»²¹.

Экономическая полусамостоятельность крепостных служила материальной основой их бегства в города. Отсутствовало централизованное государство, и за пределами поместья беглые чувствовали себя в безопасности. Всевластие феодала было ограничено узкими рамками его владений.

Сами феодалы переманивали крепостных друг у друга, в частности и путём создания новых городов, всякого рода привилегированных местечек. Особенно широко это практиковалось во Франции, в чём участвовали даже короли. Крепостные пользовались внутренними противоречия-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 521.

¹⁹ Там же, стр. 374.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немская идеология, стр. 67, 68.

²¹ Там же, стр. 41.

ми среди господствующего класса, его политической раздробленностью. Города же зазывали к себе крестьян и в первый период своего развития защищали их от преследований, причём, например, «у мещан XII века проявляется часто своего рода пафос в обращенных к крестьянам приглашениях бежать в города»²².

Следовательно, средневековый город вырос на почве классового антагонизма феодального строя, крайнего его обострения в XI в. в связи с завершением феодализации западноевропейской деревни.

Наконец, важным фактором внешнего характера для развития городов Западной Европы явились знаменитые крестовые походы. Они начались как раз в конце XI века.

В результате крестовых походов европейские бароны познакомились с роскошью Востока, итальянские города создали там фактории, более доступными для европейского купечества стали пути восточной торговли. Крестовые походы ускорили процесс товаризации хозяйства Западной Европы и тем самым развитие её городов. Самые походы не были случайностью для экономической истории Западной Европы, будучи подготовлены противоречиями феодального режима и его экспансией.

Когда же в XI в. города Западной Европы окрепли, появились новые факторы их экономического подъёма. Богатые горожане не хотели терпеть произвола феодалов, бедные протестовали против барщины и оброков, фискального грабежа и судебного вымогательства. Города не укладывались в рамки феодального режима (в его прежних формах), они требовали свободы труда и хозяйственной деятельности, политических прав и гарантий для своей собственности. Последовал взрыв классовой борьбы, и с конца XI в. начались так называемые «коммунальные революции», охватившие XII—XIII века.

В отличие от крепостных крестьян горожане были сильны своей сплочённостью, богатством, техническим искусством и даже корпоративной организованностью. В итоге города освободились из-под власти сеньёров, возникли знаменитые коммуны. Получало признание так называемое «городское право», которое гарантировало городам всякого рода льготы и привилегии, неведомые для крепостного крестьянина. В то же время многие мелкие города ещё в течение веков продолжали прозябать в тяжёлых условиях крепостнического гнёта.

Так, в муках народных масс, под действием экономических противоречий и классового антагонизма феодального строя рождался средневековый город. Мелкая собственность получала здесь более широкое признание, ремесленники в основном освобождались от крепостничества; здесь впервые обретало свою родину товарное производство. Оно становилось массовым явлением, с тем, чтобы в последующие века играть большую роль в экономической истории Западной Европы.

Но что же представляло собою это товарное производство? Означало ли его развитие торжество капитализма или начало буржуазной эры хотя бы на территории городов, как это полагают буржуазные певцы успехов «третьего сословия», рисующие подъём буржуазии с XI века?

Конечно, нет. Оно было мелкотоварным и не смогло поколебать экономических основ феодального строя. Радикализм коммунальных восстаний скоро выдохся. Отстояв свою независимость, города не посягали на общее господство феодализма. Больше того, они примирились с ним и искали себе место в рамках феодального строя, приспособляясь к его условиям. Города постепенно шли на сделку с феодалами за счёт крепостной деревни.

Радикализм городов в XI—XV вв. не пошёл дальше их борьбы за место в рамках феодального строя. Позже разбогатевшее купечество само потянулось к феодальным привилегиям, вошло в состав патрициата

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 50.

вместе с городским дворянством, вело энергичную борьбу с ремесленниками во время цеховых восстаний XIV—XV веков.

Таким образом, подъём средневековых городов с XI в. не мог привести к «книспровержению существующего строя» и торжеству капитализма. Города нашли себе место в рамках феодального строя, больше того: они стали простым придатком его и долгое время обслуживали феодализм, хотя их экономический строй существенным образом отличался от поместного строя. Город становился рынком сбыта для сельскохозяйственной продукции феодального поместья и вместе с тем источником промышленных изделий для него. Он стал решать промышленные проблемы феодального режима в рамках общего господства феодалов. При общем господстве натурального хозяйства возник частичный обмен между городом и деревней, в котором остро нуждались сами бароны. Город давал деревне редкие в то время изделия промышленного производства, предметы роскоши, оружие, необходимое баронам для подавления крепостных. Товарное производство обслуживало феодализм, как говорит товарищ Сталин, и это положение в полной мере относится к средневековым городам XII—XV веков.

Достигнув универсального господства в XI в., феодализм мог терпеть относительную самостоятельность городов, оказавшись не в силах иным способом устранить свои экономические и политические противоречия. Поэтому при общем господстве крепостничества целые столетия горожане могли пользоваться относительной свободой.

Экономические функции мелкотоварного производства в городах этого периода сводились к обслуживанию феодального режима, частичной нейтрализации экономических противоречий последнего. Без минимального развития обрабатывающей промышленности в городах феодальное поместье зашло бы в тупик, поскольку абсолютная натуральность хозяйства практически оказывалась трудно достижимой или даже невозможной. Это, конечно, не значит, что товарное производство было основой феодализма. Оно было лишь его привеском, полезным для нейтрализации экономических противоречий феодальной сеньерии. Города XI—XV вв. пришли на смену поместному ремеслу и играли роль последнего в расширенном масштабе, в рамках всего феодального строя, а не только в узких пределах изолированного поместья.

Но если мелкотоварное производство средневековых городов XI—XV вв. обслуживало феодализм, то естественно возникает вопрос относительно экономической природы этого производства, и здесь мы подходим к наиболее важному пункту нашей проблемы.

Конкретная история мелкотоварного производства в средневековых городах показывает, что уже в XIII в. шла экономическая дифференциация городских ремесленников. Фискальная опись парижского населения, относящаяся к 1292 г., засвидетельствовала наличие среди ремесленников тогдашнего Парижа больших различий в экономическом положении. Эти различия наблюдались как между профессиями, так и внутри их²³. Аналогичные явления отмечаются и в других городах Западной Европы XIV—XV веков.

У нас нет оснований сомневаться в существовании капиталистических тенденций у мелкотоварного производства средневековых городов XIV—XV веков. Однако реализация этих тенденций в условиях феодализма встречала огромные затруднения, и на протяжении нескольких столетий подобные тенденции подавлялись господством феодального строя. Натуральное хозяйство и крепостничество лимитировали проявление этих тенденций, возникал огромный разрыв между возможностью и действительностью. Такой разрыв продолжался сотни лет, и мелкотовар-

²³ См. «Le livre de la taille de Paris. В книге H. Gerard «Paris sous Philippe le Bel». Paris. 1837.

ное производство без конца воспроизводило себя на прежней основе, хотя и заключало в себе зародыши капиталистического развития.

Для утверждения же капиталистической системы требовалось наличие вполне определённых условий. Товарищ Сталин точно определяет последние, указывая, что «товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами»²⁴.

В условиях средневековых городов XI—XV вв. товарное производство стало массовым явлением и существовала частная собственность на средства производства, но концентрация последних в руках отдельных цеховых мастеров происходила крайне медленно. Существовали и наёмные подмастерья, однако расширение эксплуатации наёмного труда очень долго встречало серьёзные затруднения.

Сказывалось общее господство натурального хозяйства и крепостничества, которые необычайно замедляли отрыв непосредственных производителей от средств производства. Феодалы яростно отстаивали свою монополию на эксплуатацию рабочей силы, и в город попадали только беглые крепостные. Натуральное хозяйство деревни исключало широкий сбыт изделий городских мастеров и спекулятивные операции крупных масштабов. Городам часто не хватало даже сырья и продовольствия. Техника производства оставалась ручной и настолько примитивной, что ещё не стала непреодолимым барьером между непосредственным производителем и сферой производства. Чтобы стать, например, самостоятельным сапожником, подмастерью требовалось лишь несколько колодок и обыкновенный молоток.

Дефицитной была обычно лишь квалификация, но техническая выучка приобреталась подростками за долгие годы ученичества.

Характерно, что цехам приходилось активно противодействовать превращению подмастерьев в самостоятельных мастеров и запрещать самостоятельное занятие ремеслом, создавать барьеры при выдаче метризы и т. д. В этом исключительно ярко сказывалась слабость тех форм наёмного труда, которые были известны мелкотоварному ремеслу средневековых городов XIV—XV веков. Им требовались костыли цехового законодательства, эксплуатация подмастерьев могла продолжаться лишь под опекой цеховых властей. Иначе они выпадали из-под влияния цеха и становились самостоятельными мастерами. Производительные силы тогдашних городов ещё не созрели для капитализма, и только эпизодически (в городах Италии, Нидерландов) возникала капиталистическая мануфактура.

Конечно, закон стоимости действовал в условиях товарного производства средневековых городов, и на это прямо указывает товарищ Сталин. Он пишет, что «там, где есть товары и товарное производство, не может не быть и закон стоимости», и последний «существовал до капитализма», так как «закон стоимости есть прежде всего закон товарного производства»²⁵.

Закон стоимости являлся законом движения товарного производства. На его основе шёл процесс экономической дифференциации ремесленников, всё сильнее выявлялись капиталистические тенденции мелкотоварного производства, зрели отношения наёмного труда, возникавшие под покровом цеховой системы, и т. д. Однако многие проявления закона стоимости подавлялись господством феодального строя или, во всяком случае, ослаблялись им, отчасти модифицировались. В качестве закона

²⁴ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 14—15.

²⁵ Там же, стр. 19, 37.

эквивалентного обмена (в пропорциях труда, затраченного на производство товара) закон стоимости прокладывал себе дорогу среди хаоса ценообразования, несмотря на все рогатки регламентации (цеховой и муниципальной). Городские ремесленники на протяжении веков яростно боролись за такое использование этого экономического закона товарного производства. В этом деле простые товаропроизводители мало сталкивались с привилегиями баронов.

Но совсем иная ситуация возникала при других проявлениях закона стоимости. Поскольку в Западной Европе господствовало крепостничество и крестьяне были лишены свободы переселения в города, перехода от одного занятия к другому, закон стоимости не мог в полной мере проявлять себя как закон распределения труда по отраслям производства. Деревня оставалась скованной крепостничеством, и лишь распространение оброчной системы в XIV—XV вв. внесло сюда некоторые изменения. Ещё большие препятствия в условиях натурального хозяйства и крепостничества деревни встречал закон стоимости в качестве закона социальной эволюции мелкотоварного производства и его превращения в капиталистическое. Это объяснялось тем, что процесс экономической дифференциации ремесленников происходил медленно. Поскольку техническое искусство являлось во многих отраслях наиболее существенной предпосылкой производства (при крайней примитивности оборудования), то последнее долго оставалось доступным даже экономически обездоленным подмастерьям и мастерам. Всякого рода пауперы вновь и вновь ассимилировались феодальным поместьем (особенно монастырями), покидали города и вовлекались в орбиту феодальной эксплуатации.

Таким образом, законы товарного производства проявлялись в условиях феодализма очень своеобразно, и его эволюция в сторону капитализма потребовала многих столетий. Она модифицировалась общим господством феодального режима с его натуральным и крепостническим хозяйством в деревне.

В свете этого особенно большое значение для историков имеет указание товарища Сталина, что «нельзя рассматривать товарное производство, как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий»²⁶, поэтому нельзя считать неизбежным переход простого товарного производства в капиталистическое при любых условиях.

Проблема зарождения капиталистического производства в недрах феодальной формации не может быть решена, исходя из анализа одного лишь процесса товарного производства. В каждом конкретном случае от историка требуется всестороннее освещение процесса разложения феодализма, с учётом таких явлений, как ломка аграрных отношений и массовое обезземеливание крестьянства (пример чего дала Англия XVI в.), мануфактура централизованная и рассеянная, страшная драма ограбления колоний, целая эпоха первоначального накопления, буржуазных революций и промышленных переворотов.

Победа капитализма оказалась возможной лишь много столетий спустя, после того как в городах с XI в. мелкотоварное производство стало массовым явлением. Господство феодального режима в период расцвета феодализма было столь универсальным, что оно очень долго и в сильной степени нейтрализовало капиталистические тенденции в развитии городского ремесла.

Как известно, городское ремесло средневековья получило цеховую организацию.

Причины возникновения цехов точно определены Марксом и Энгельсом в их совместной работе «Немецкая идеология», в которой они ещё в 1846 г. указывали, что «необходимость объединиться против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных

²⁶ Там же, стр. 15.

помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны — все это породило цехи». Вместе с тем «благодаря постепенному накоплению путем сбережений небольших капиталов отдельными ремесленниками и неизменности числа последних при растущем населении развилась система подмастерьев и учеников, создавая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения»²⁸. С другой стороны, Энгельс указывал в «Анти-Дюринге», что цехи средневековья, как и поземельная община деревень (марка) того времени, были порождены глубокой натуральностью хозяйства и «ограниченность обмена, ограниченность рынков, устойчивость форм производства, местная замкнутость от внешнего мира, местная связь производителей»²⁹ имели при этом решающее значение. Общинные традиции крестьянства помимо того играли значительную роль, так как в период возникновения городов «сельская конституция... переходит в конституцию города»³⁰ и ремесленники стремятся воспроизвести общинные формы своей организации.

Таким образом, цехи возникли в условиях господства натурального хозяйства и крепостного гнёта, на основе общинных традиций крестьянства, попадавшего в города и пытавшегося отстоять свою свободу. Они представляли собою объединения ремесленников в пределах города и определённой профессии, причём каждый цех имел свой устав, выборную администрацию (старшин), установившуюся систему сбора вступительных и периодических взносов, созыва собраний, устройства пирушек и молебствий, организации похоронных процессий и свадебных торжеств, формирования городского ополчения и несения сторожевой службы. Цехи были весьма разносторонними организациями и сложились в ходе тех «коммунальных революций», которые в борьбе с феодалами возвысили средневековые города.

Постепенно окрепнув, цехи начали проводить весьма активную экономическую политику, направление которой крайне показательно для экономической природы мелкотоварного производства. Цехи стали на путь мелочной регламентации производства, сбыта, закупок сырья и т. п., чтобы овладеть местным рынком, который в условиях натурального хозяйства деревни оставался ещё очень узким, и перераспределить его уравнительным образом. Город ушёл значительно дальше деревни в своём развитии, и возникла опасная размычка между товарным производством города и натуральным хозяйством деревни. Цехи и пытались путём регламентации восстановить связь между городским и сельскохозяйственным производством.

Но при этом вместо того, чтобы искать разрешения противоречий своего воспроизводства в максимальном расширении торговых связей, увеличении сбыта, проникновении на отдалённые рынки мира и предельной товаризации экономических отношений, цеховое ремесло в отличие от развитых форм товарного производства искало спасения в натурально-хозяйственном самоограничении, в эгалитарной регламентации торговли и ремесла, в изгнании внутренней и внешней конкуренции. Оно ориентировалось на местный рынок, замыкалось в его рамках. Столь явный парадокс объяснялся самым характером экономических противоречий цехового ремесла как товарной формы производства, развивавшейся в недрах феодального общества.

В самом хозяйственном строе цехового ремесла были сильны элементы натурального хозяйства. В частности, штрафы в Париже взимались обычно натурой и, сукноделы Шалона (по уставу 1244 г.) просто сжигали

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*, стр. 14—15.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.* Т. XIV, стр. 275.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.* Т. XV, стр. 637.

дефектное сукно³¹. Конфискации часто подлежали не только изделия мастера, но и его инструменты. Цеховые администраторы часто получали вознаграждение натурой, пошлины в Париже XIII в. также во многих случаях платились натурой, аналогичным образом платились членские взносы в цеховую кассу и вносились платежи на устройство пирушек, необходимые корпорациям вещи изготовлялись самими мастерами. Профессия цехового мастера была наследственной, система ученичества покоилась в значительной мере на натуральнохозяйственной основе, широкое распространение получила форма оплаты труда натурой. Цеховые мастера цеплялись за право выполнять технические операции, дополнявшие их основное производство. Проблема вспомогательных «предприятий» (для размола дубильной коры и т. д.) решалась также на натуральнохозяйственной основе. В территориальной группировке городских ремесленников также имелся натуральнохозяйственный момент, равно как и в сфере потребления, так как производство изделий для личного потребления ставилось в привилегированное положение и не подвергалось регламентации. В самой торговле цеховых мастеров отражалось влияние натурального хозяйства, и в Париже XIII в. обычные хозяйственные сделки принимали формы сложного публичного акта.

Эти элементы натурального хозяйства в хозяйственном строе цехового ремесла тоже в значительной мере предопределяли то направление, в котором мелкотоварное производство в средневековых городах искало разрешения противоречий своего воспроизводства. Оно искало его не в достижении максимальной товарности производства или экономической экспансии мастеров, а в натуральнохозяйственных ограничениях, в скрупулёзной и тщательно разработанной системе регламентации, рассчитанной на максимальное использование локального рынка, местных хозяйственных возможностей.

На территории городов цехи в своей экономической политике воспроизводили общинные традиции, их уравнивательные тенденции. Приспосабливаясь к условиям феодального режима (его натуральному хозяйству и крепостничеству), отстаивая экономические позиции мелких товаропроизводителей, цехи становились на путь антикапиталистических мероприятий. По мере того как в развитии городского ремесла усиливались капиталистические тенденции, эти мероприятия становились всё более разносторонними.

Декларируя обязательность заказов и их выполнения, санкционируя корпоративную разобщённость профессий и отраслей городского ремесла, создавая затруднения для миграции труда, ориентируясь на внешнехозяйственные мотивы при регламентации техники, преследуя расширение экономической информации и т. п., цехи длительное время боролись против капиталистических тенденций мелкотоварного производства в городах средневековья.

Они создавали всякого рода общинные предприятия (общие дома для торговли, отделки товаров, сукновальни и т. п.), коллективно закупали сырьё, преследовали спекулятивные начинания отдельных мастеров, запрещали последним перехватывать помещения, нормировали число подмастерьев, фиксировали масштабы самого производства, ограничивали число вспомогательных заведений, боролись со скупкой изделий.

Антикапиталистические тенденции экономической политики цехов находили яркое выражение в эгалитарной регламентации сбыта и принудительной локализации рынка³².

³¹ G. Fagniez. Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France. Paris. 1898. Vol. I, p. 151—152.

³² См. нашу работу «Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв.». М. 1952, стр. 122—165.

Всё это показывает, что мелкотоварное производство в городах средневековья было весьма своеобразным явлением. Оно развивалось в условиях феодального режима, и последний накладывал на него сильный отпечаток.

Огромную роль в судьбах товарного производства в Западной Европе сыграл переход в XIV—XV вв. к оброчной системе. Он произошёл отчасти под влиянием городов, а главным образом под давлением экономических противоречий феодального строя деревни, классовых антагонизмов феодального поместья. Оброчная система создала более благоприятные условия для роста товарности крестьянского хозяйства, и в некоторых странах (особенно в Англии) натуральные оброки постепенно переводятся на денежные. Предпосылкой выплаты денежных чиншей был сбыт крестьянской продукции на рынок. Товарное производство становится массовым явлением и в деревне, особенно в позднее средневековье.

Но это вовсе не значит, что товарное производство в период оброчной эксплуатации крестьянства стало основой феодализма. Наоборот, оно продолжало обслуживать феодализм, и товарное производство оброчника было опутано феодальными привилегиями дворянства. Земля стояла вне деревенского товарооборота и оставалась монопольным достоянием дворян. Формально крестьянин продавал свою продукцию, а фактически он реализовывал прибавочный продукт, принадлежавший феодальному поместью. Ведь коренная особенность оброчной системы заключалась как раз в перенесении производства прибавочного продукта в сферу крестьянского хозяйства. Будучи создан, он подлежал изъятию в натуральной или денежной форме. Если дворянин обязывал крестьян ещё сверх того отвезти этот продукт на рынок и продать (часто с большими потерями), то это мало меняло суть дела. Самая торговля оказывалась принудительной необходимостью для крестьянина (французского виллана, английского копигольдера, немецкого чиншевика, русского оброчника). Она лишь помогала феодалам эксплуатировать деревню.

Поэтому такое товарное производство, просуществовавшее, например, во Франции пять столетий (XIV—XVIII вв.), так и не смогло привести к широкому развитию капитализма в деревне, а тем более разрушить её феодальный строй. Он рухнул окончательно лишь под ударами буржуазной революции 1789 года.

Много нового в историю товарного производства внесло развитие капиталистической мануфактуры. Весьма своеобразно развивалось товарное производство в феодальной России. Однако детальное рассмотрение всех этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи.

Гениальный труд товарища Сталина открывает широкие горизонты перед советскими историками и ставит новые проблемы для специальных исследований. В частности, наши медиевисты не должны ограничиваться изучением лишь отдельных эпизодов классовой борьбы (крестьянских восстаний), некоторых войн (даже тридцатилетних), идеологии средневековья (вплоть до Иоахима Флорского), проблем «борьбы папства и империи» и эволюции так называемого «аграрного строя» по материалам всё той же Англии. Нужно создать серьёзные исследования в области экономической истории Польши, Чехии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании. С учётом русских материалов необходима разработка проблем генезиса феодализма в славянских странах (на базе общины) и капитализма (в условиях крепостничества и абсолютизма). Гораздо больше внимания в исследованиях советских медиевистов должно быть уделено странам Востока.

Опираясь на прямые указания товарища Сталина, наши историки должны создать капитальные исследования по коренным проблемам феодализма, решая их с позиций марксистско-ленинской теории. Образец её применения дал нам товарищ Сталин, показав в своём гениальном труде, что товарное производство нельзя рассматривать в отрыве от господствующего способа производства, вне связи со всей совокупностью экономических явлений. Метафизическое истолкование проблемы, рассматривающее товарное производство как изолированное явление и равное само себе при всех условиях, ведёт к неправильным выводам и допущенным построениям.

Наконец, необходим и пересмотр опубликованных работ. В частности, автор считает нужным отметить, что и в его монографии, критикующей допущенные тенденции историографии, допущены формулировки, требующие уточнения. Так, на стр. 165 сказано в слишком общей форме о том, что простым товаропроизводителям, и в том числе цеховым мастерам, были «свойственны капиталистические тенденции»³³. Это положение нуждается в оговорках и прежде всего хронологических. Такие тенденции были свойственны только зрелым формам мелкотоварного производства, они стали проявляться лишь в XIV—XV веках.

В главе V моей книги сконцентрирован материал о капиталистических тенденциях мелкотоварного производства в городах XIV—XV вв., но недостаточно подчёркнуто их сугубо подчинённое значение. Следовало показать более ярко и разносторонне феодальные черты цехового строя.

Автор надеется в ближайшем будущем опубликовать вторую часть своей работы, в которой даётся анализ влияния натурального хозяйства на городское ремесло XIII — XV веков.

³³ Там же, стр. 165.